

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXIII Международной научной конференции
21–24 октября 2012 г.**

Отв. ред. С.К. Гураль

Томск
2013

Кроме указанных составляющих самопрезентации, заметен частотный переход автора к третьему лицу, безличной конструкции, отсылка к сайту: «This site will help you learn to live more consciously, to summon the courage to face the unfaceable parts of your life». Данный прием в стратегии самопрезентации превращает автора в посредника, убирает момент поклонения или слепого подражания человеку, но позволяет использовать определенный инструмент, в данном случае сайт, для достижения цели. Это повышает доверие читателей, предоставляет им больше свободы, поскольку при возникновении сомнений, проблем или желании выразить солидарность, всегда остается возможность коммуникации с автором, гуру.

Использование автором чередующихся тактик и компонентов самохарактеризации и воздействия в стратегии самопрезентации, позволяет частично манипулировать читателями, но также помогает заинтриговать читательскую аудиторию, подготовить базу для создания определенной модели мотивации. Наличие комментариев в качестве особенности Интернет-дискурса дает автору возможность быстро оценивать и реагировать на заинтересованность читателей и эффективность самопрезентации.

Литература

1. Аникина Т.В. Имя собственное в Интернет-коммуникации // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (75). С. 71–76; Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, 1958. 165 с.
2. Гермашева Т.М. Проблема личностной идентификации блог-коммуниканта // Научная мысль Кавказа. НОТЖ 2010. № (63). С. 167–172.
3. Merriam-Webster Online. URL: <http://www.merriam-webster.com/>
4. Herring S.C. Bridging the gap: A genre analysis of weblogs // L.A. Scheidt, S. Bonus, E. Wright. Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences, 2004.
5. Калашникова А.А. Блог как гибридный речевой // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д., 2010. № 3.
6. Лутовинова О.В. Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства URL:: vestnik-mgou.ru/mag/2009/ling/1/st5.pdf
7. Щербаков М.А. Модель уровней самоидентификации личности. URL: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml
8. Steve Pavlina «Personal Development for smart people». URL: <http://www.stevpavlina.com>
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Едиториал УРСС, 2002.

Л.П. Дмитриева

Томский государственный университет

АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКОЙ РЕЦЕПЦИИ НОВЕЛЛ Э. ПО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ Н. ШЕЛГУНОВА)

Считается, что мотив душевного смятения и упадка, болезненной чувствительности и невроза Э. По оказался наиболее близок русским читателям с их стремлением разобраться во всех тонкостях души человека.

В героях произведений американского писателя совершенно четко прослеживаются характерные черты декадентов, находящих удовольствие в созерцании смерти, самоуглублении и насилии над собственной природой. Своим появлением такой герой обязан, с одной стороны, реакции против рассудочного мышления, характерной для романтизма, а с другой – появившейся в XIX веке ориентации литературы на научное мышление. Для одних освобождение от «засилья реальности» происходило через открытие оккультного мира, для других – через проникновение в крайности психологического опыта [1. С. 11].

Основоположителем «психологического» направления в изучении творчества По можно считать Н. Шелгунова, интерес которого к новеллам американского писателя Д. Гроссман обозначила как первую «дофрейдистскую ноту, прозвучавшую в России» [1. С. 30].

В пятом номере журнала «Дело» за 1874 г. были опубликованы шесть новелл Э. По в переводе Шелгунова: «Маска красной смерти», «Береника», «Черный кот», «Сердце-обличитель», «Лигейя», «Тень».

Данная подборка не могла быть случайной: Шелгунов в предисловии к своим переводам объясняет выбор тем, что, по его мнению, предложенные суду читателя новеллы наиболее полно отражают

личностные особенности загадочного американского писателя. Самой первой идет новелла «Маска красной смерти», представляющая собой очень пессимистическое и мистическое повествование. В основе сюжета лежит средневековый мотив массовой гибели людей в результате эпидемий. Таинственный незнакомец в маске Красной Смерти, появившийся в удаленном аббатстве во время празднования, оказался призраком моровой язвы, настигшим беглецов в их укрытии. Эдгар По в этой новелле изобразил эсхатологическую по своей природе ситуацию, когда единственным исходом может явиться лишь смерть. Пророчеством звучат заключительные слова новеллы: «И с последним из них угасла жизнь эбеновых часов, потухло пламя в жаровнях, и над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная смерть» [3. С. 96].

Думается, Шелгунов не случайно выбрал это туманное и символическое повествование: конец «Красной Смерти» является эпиграфом к другим опубликованным в журнале «Дело» произведениям По, так как тема смерти, безысходности пронизывает и остальные выбранные переводчиком новеллы. Финальное предложение определяет его собственное восприятие прозы По и формирует модус дальнейшей читательской рецепции.

Тема смерти воспринимается переводчиком не отстраненно, не с точки зрения наблюдателя и исследователя, как это было в оригиналах По. В русских вариантах, благодаря творческой индивидуальности Шелгунова, она тесно переплетается с темой человеческого несчастья. Пристальное внимание переводчика к этой проблеме видится уже в переводе новеллы «Береника».

Имея в основе своего сюжета повествование о герое-визионере, одержимом зубами своей кузины Береники, этот рассказ является первым из серии повествований По о мономанах. Многие читатели журнала были возмущены жестокостью рассказа и писали издателям гневные письма в связи с этим. Именно поэтому из публикации был изъят эпизод, в котором главный герой посещает похороны Береники и, понимая, что она еще жива, не препятствует ее погребению.

В первых предложениях новеллы звучит тема многообразия человеческих несчастий. А далее в оригинале уточняется, о каком именно несчастье пойдет речь: герой вопрошает собственное сознание о том, почему красота привела его к преступлению и почему стремление к мирной жизни превратилось в безысходную печаль:

По

«How is it that from beauty I have derived a type of unloveliness?--from the covenant of peace, a simile of sorrow?» [6, с. 208] (Как же так вышло, что красота привела меня к преступлению? Почему мое стремление к мирной жизни накликало беду?)

Из этих слов в начале повествования становится очевидным его сосредоточенность на том, что в других новеллах примет более отчетливое воплощение в форме «демона противоречия». В этом произведении вновь разумное начало противоречит безумному состоянию героя, не отдающему себе отчет в собственных поступках. Таким образом, данная новелла является одной из вариаций на тему недостижимости человеческой психики, подверженной дурному влиянию подсознательных разрушительных импульсов. Это стремление сделать что-то вопреки морали является основным видом несчастья во всех подобных повествованиях По.

В переводе Шелгунова нет уточнения, что новелла посвящена этой конкретной «разновидности» несчастья, а не всем страданиям людей в целом. Отсутствие конкретизации в первых предложениях рассказа, опубликованного в журнале «Дело», ведет к восприятию героя как глубоко несчастного человека, пытающегося обобщить причину людских бедствий: «Бывают различные несчастья. Земное горе разнородно; господствуя над обширным горизонтом, как радуга, цвета человеческого страдания так же различны и точно так же слиты, и оно точно так же царит над обширным горизонтом жизни» [2. С. 215].

Зато более детальная конкретизация человеческих пороков, ведущих к бедственному существованию, находит воплощение в переводах других новелл, принадлежащих циклу самообличения: «Черный кот» и «Сердце-обличитель». В оригинале «Черного кота» следствием воздействия «демона противоречия» стала неоправданная озлобленность героя ко всему живому. В переводе Шелгунова к этому мотиву примешивается еще и тема глобального несчастья: переводчик словно сочувствовал персонажам По. Холодный анализ автора рассказов уступил место тонкому и прочувствованному прочтению переводчика, вероятно, навеянному всей традицией русской литературы XIX в., одной из черт которой является «гуманный» анализ человеческих пороков.

На первый взгляд бросается в глаза повторение слова «несчастье» и его производных даже там, где у По использованы другие лексические единицы. Шелгунов словно «пропитывает» выполненный им перевод сентиментальным настроением и вызывает жалость читателя там, где, по замыслу автора, должно было возникнуть сначала любопытство, переходящее затем в испуг, ведь американский писатель любил устрашить своих читателей.

Например, герой-повествователь в оригинале новеллы пишет о том, что его болезнь, под которой он подразумевал пристрастие к алкоголю, стала причиной ужасных событий в его жизни. Однако Шелгунов придал более глобальный и надличностный характер всему, что произошло с убийцей собственной жены:

По

But my **disease** grew upon me -- for what **disease** is like Alcohol ! (Но моя **болезнь** все усиливалась, так как что сравнится с Алкоголем!)-

Шелгунов

Но моя **несчастливая слабость** все более и более овладевала мною. Какое бедствие может сравниться со **страстью** к вину!

Болезнь переводчик называет слабостью, но эпитет несчастная словно оправдывает его в глазах читателя, прося не судить его строго.

Сожаление и сочувствие переводчика распространяется не только на его собственное восприятие героя. Сам повествователь становится более человечным, хотя в оригинале он не был наделен такой эволюцией. Так, говоря о своей жене, он лишь констатирует ее хороший и кроткий нрав, а также факт своего грубого отношения к ней. Апогеем равнодушия становится отсутствие какой-либо эмоциональности в отчете об убийстве жены: этот отрывок отличает стилистика четкого, последовательного изложения фактов. Вот как герой говорит о смерти жены:

По

«**She** fell dead upon the spot, without a groan» (Она упала мертвая, без единого стога) [6. С. 305].

В переводе присутствует некая доля человечности и даже сожаления благодаря добавлению, сделанному Шелгуновым:

Шелгунов

«**Бедная** упала мертвою, ни разу не вздрогнув» [5. С. 233].

Эпитет **бедная** может также указывать на осмысление героем своего преступления, его нравственную оценку и способность ранжировать поступки, чего не было в оригинале. В связи с этим пропадает изначальная авторская интенция представить на суд читателя бред больного человека либо преступника, пытающегося всеми силами оправдаться и для этого притворяющегося безумным. Присутствующий в переводе элемент раскаяния несколько искажает авторский замысел.

Если в «Черном коте» превалировала атмосфера несчастья, то изначальный текст новеллы «The Tell-Tale Heart» буквально пропитан ощущением ужаса и страха. Это выражается, прежде всего, в лексическом строе произведения: По использовал разнообразные синонимы, чтобы насытить читателя отрицательными эмоциями. Шелгунов изобрел другой прием нагнетания страха: максимального эффекта он достигает предельной концентрацией одного и того же слова для выражения терзаний героев. В результате смысл многочисленных определений психологического дискомфорта, используемых По, аккумуляруется в двух основных лексических единицах **ужас и страх**, встречающихся практически в каждом абзаце текста перевода.

Следующей по порядку публиковалась новелла «Лигейя», повествующая о таинственном переселении души одной умершей женщины в тело другой. Это повествование является своеобразной вариацией темы несчастной любви, опустошенной смертью. Заключительным аккордом публикации переводного цикла стала новелла «Тень», написанная от лица умершего человека. Она перекликается с «Маской Красной Смерти» тем, что в ней говорится о смерти многих людей, вернее, об их единой, коллективной душе, однажды явившейся к повествователю в виде призрака. Герой испытал невероятный ужас при виде этой тени из-за ее неземного голоса: «И все мы семеро вскочили от ужаса и стояли дрожащие, растерянные. Звук голоса тени — не был звуком одного голоса, он был звуком многих, и этот голос, достигая до нашего слуха, напомнил нам тысячи и тысячи исчезнувших друзей!» [4. С. 241].

В контексте данного переводного цикла выбор новеллы для его завершения видится неслучайным. Начинаясь повествованием о массовой гибели людей и о безраздельной власти мрака и уничтожения, через описание отдельных случаев человеческих несчастий, ведущих к нравственному и физическому разрушению, цикл заканчивается размышлением о том, какой образ может принять человеческая душа в загробной жизни. Однако тоскливое и непонятное, это бессмертие лишь наводит страх своей непознанностью: «Я — тень и живу около катакомб Птолемея, подле мрачных долин, окаймляющих нечистую Харонову реку!» [4. С. 241]. Тема господства смерти, заявленная в концовке новеллы «Маска Красной Смерти», теперь нашла выражение в заключительных аккордах цикла в античном образе царства мертвых, куда молчаливый Харон перевозил души по реке Стикс.

Таким образом, трансформации авторской картины мира в рассмотренных переводах стали результатом намерения переводчика воссоздать атмосферу ужаса, несчастий и смерти, что в некоторых случаях привело к усугублению основной тональности оригиналов произведений.

Литература

1. Гроссман Д.Д. Эдгар По в России. Легенда и литературное влияние. СПб. : Академический проспект, 1998. 199 с.
2. По Э. Береника // Дело. 1874. № 5.
3. По Э. Маска Красной смерти // По Э. Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 4.
4. По Э. Тень // Дело. 1874. № 5.
5. По Э. Черная кошка // Дело. 1874. № 5.
6. Poe E. A. The Portable Edgar Allan Poe / E. A. Poe. N. Y. : Penguin Books, 1977. ix, 666 p.

М.В. Дубенко

Томский государственный университет

И.И. КОЗЛОВ – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ В. СКОТТА

Считается, что поэтическое творчество В.Скотта стало популярным благодаря В.А. Жуковскому, который один из первых начал переводить поэзию Скотта стихами. Жуковский перевел только три вальтер-скоттовских произведения: балладу «Иванов вечер» («The Eve of St. John») (1822), балладу «Серый монах» («The Gray Brother») (1831) и отрывок из поэмы «Мармион», который известен русскому читателю как «Суд в подземелье» (1831-1832). В неразрывной связи с поэтическими переводами В. А. Жуковского из В. Скотта следует рассматривать также переводы, выполненные талантливым поэтом и переводчиком И.И. Козловым.

В литературоведении уже не раз отмечалась тесная родственная связь между творчеством В.А. Жуковского и И.И. Козлова: «Из русских поэтов того времени Козлов имеет более всего сходства с Жуковским, – пишет К.А. Труш, – по складу воззрений и характеру симпатий. Оба поэта были мечтатели, сентименталисты, с возвышенным взглядом на поэзию, дружбу и семейную жизнь, религиозные, горячо любившие Россию» [1. С. 16]. Исследователь замечает, что в сферу переводческих интересов обоих поэтов входило только то, что «совпадало с их душевным настроением», при этом и тот и другой «сообщали переведенным пьесам некоторый оригинальный личный характер» [1. С. 18].

И.И. Козлов состоял в особых отношениях с В. Скоттом и его творчеством. Для слепого и бездвигательного поэта чарующий мир вальтер-скоттовских произведений стал выходом за пределы реального мира, источником фантазии и вдохновения. Обладая уникальной памятью, И.И. Козлов знал наизусть многие стихотворные сочинения великого шотландца, в том числе и поэмы, к которым русский поэт должен был испытывать особый интерес. Популярная в свое время романтическая поэма И.И. Козлова «Чернец» (1825) несет на себе печать лиро-эпических сочинений В. Скотта. Последняя строфа «Чернца» во многом совпадает с окончанием второй Песни вальтер-скоттовского «Мармиона», а некоторые художественные решения финальных строф обнаруживаются в конце повести В.А. Жуковского «Суд в подземелье» (1834). К таким решениям можно отнести, например, финальный стих, где звон погребального колокола утихает в ночи:

И.И. Козлов

И звук утих во тьме ночной

В.А. Жуковский

Все, что смутил минутный звон,
В глубокий погрузилось сон

Ср. с В. Скоттом:

The stag sprung up on Cheviot Fell,
Spread his broad nostril to the wind,
Listed before, aside, behind,
Then couched him down beside the hind,
And quaked among the mountain fern,
To hear that sound so dull and stern.

На холм Чевииот выскочил олень,
Раскрыл свои широкие ноздри ветру,
Наклонился вперед, по сторонам, назад,
Затем прилег рядом с самкой,
И поскакал по поросшей папоротником горе,
Чтобы услышать этот звук, такой унылый и суровый

Среди поэтических посланий близким друзьям, а также любимому поэту Козлова Байрону встречаем очень популярное в свое время большое послание «К Вальтеру Скотту» (1828–1832 гг.). Стихотворение, в котором русский поэт благодарит «шотландского чародея» за радость часов, проведенных